

УДК 111(165)

ББК 87.21/22

X 16

Г 95

Л 19

П.М. Хакуз,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, e-mail: hakuzpm@mail.ru

А.Ю. Гура,

старший преподаватель кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, e-mail: alena-gura85@yandex.ru

З.К. Лакербай,

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар

Вопрос как исполнение вопрошания

(Рецензирована)

Аннотация. В статье философски осмысливается и раскрывается суть понятий «вопрос», «вопрошание», философское вопрошание и педагогическое вопрошание, внимание акцентируется на мысли о том, что вопрошание — бытийное назначение философии. Авторы выявляют соотношение понятий вопрос и вопрошание, педагогическое вопрошание и педагогический вопрос, демонстрируют сходства и различия философского и педагогического вопроса, описывают их специфику и формулируют требования к постановке правильных педагогических вопросов.

Ключевые слова: философская рефлексия, смысл, вопрос, вопрошание, мнение, научное вопрошание, философское вопрошание, педагогическое вопрошание, философский вопрос, экзаменационный вопрос, педагогический вопрос, «легкая трудность» вопроса, параметры правильных педагогических вопросов.

P.M. Khakuz,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy Department of the Kuban State Technological University, Krasnodar, e-mail: hakuzpm@mail.ru

A.Yu. Gura,

Senior Lecturer of Philosophy Department of the Kuban State Technological University, Krasnodar, e-mail: alena-gura85@yandex.ru

Z.K. Lakerbay,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Sociology, Jurisprudence and Human Resources of the Kuban State University of Technology, Krasnodar

Question as the execution of questioning

Abstract. The paper philosophically interprets and gives the meaning of the concepts like “question”, “questioning”, philosophical questioning and pedagogical questioning and focuses on the idea that the questioning is existential philosophy role. The authors reveal the relationship between the concepts: question and questioning, pedagogical questioning and pedagogical question, demonstrate the similarities and differences of philosophical and pedagogical issues, describe their specific requirements towards formulation of correct pedagogical questions.

Keywords: philosophical reflection, essence, question, questioning, opinion, scientific questioning, philosophical questioning, pedagogical questioning, philosophical question, examination question, pedagogical question, “easy problem” question, parameters of correct pedagogical questions.

В современной российской высшей школе сложилась парадоксальная ситуация: у педагогов, несомненно, существует понимание того, каким должен быть педагогический вопрос, однако на практике за малым исключением имеем вопросы без вопрошания, вопросы без вопросов. Почему так? Философская рефлексия педагогического вопрошания может пролить свет на эту проблему.

Что собой представляет философская рефлексия, что значит изучить нечто философски? Философский срез, философская рефлексия, философская проекция — это рассмотрение явлений, событий в целостности и значимости. Это — изучение нечто «под лучом конечного смысла»: «Зачем и для чего это, к каким последствиям оно приведет?» Философский взгляд, следовательно, — это выход за пределы конкретных предметов и постижение смысла. А смысл, как известно, — всегда прерогатива философии. Смысл не существует нигде — он вырабатывается в результате активного диалога с предметом. Это — идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, конечная цель чего-либо. Смысл не есть предмет, находящийся или находимый в мире, смысл — всегда только мыслимое. Поэтому смыслом занимаются не ученые, а философы или, по крайней мере, философствующие ученые. Например, философское изучение познания сводится к ответу на следующие вопросы: Что такое познание?; Зачем я познаю?; Что я познаю?; Что я делаю, когда познаю?; Чем обернется то, что я познаю?; Что является источником познания?; Каковы основные закономерности перехода от незнания к знанию?; Что такое субъект и объект познания?; Какова структура познавательного процесса?; Что такое истина и каковы ее критерии?; Что мы можем знать — все, что пожелаем, или же есть в мире нечто, недоступное познанию? Ответы на эти вопросы составляют содержание гносеологии как теории познания.

Философское постижение науки предстает как отзыв на следующие вопросы: Что такое наука? Что значит научно познать предмет? Что означает само понятие «научный»? Где граница между наукой и лженаукой? Чем научное знание отличается от других, вненаучных, видов знания? Как соотносятся теория и факты? Что есть научный закон? Что такое теория? Какова роль интуиции в научном поиске? Что такое научная рефлексия? Каковы идеалы науки? Каковы нормы науки? Можно ли говорить о логике научного открытия? Как развивается наука? Что такое проблема? В чем специфика гуманитарной науки? В чем объективность и субъективность научного метода? Как соотносятся проблема и теория? В чем универсальность и ограниченность научного познания? В чем преемственность научного знания? Какова природа проблемной ситуации в науке? Каковы основные функции науки? Какие существуют решения проблемы роста науки? Свободна ли наука от ценностей? Что такое понимание? — Эти вопросы так трудны, что не могут быть разрешены средствами самой науки, нужна философия [1; 4-5].

Философская рефлексия педагогического вопрошания реализуется как ответы на следующие вопросы: Что такое вопрошание? Как соотносятся вопрос и вопрошание? Что такое педагогическое вопрошание и в чем его актуальность? Чем отличается педагогическое вопрошание от философского? Какова взаимосвязь педагогического вопрошания и педагогического вопроса? Педагогические и экзаменационные вопросы — это одно и то же? Каким должен быть экзаменационный вопрос, чтобы он стимулировал творческую активность учащихся? Дальнейшие рассуждения будут подчинены этой логике.

«Вопрощание» — что это за термин, что он означает? В первом приближении вопрошание можно обозначить

как фиксирование неполноты знания в той или иной области. В философском словаре вопрошание (Fragen) определяется как языковое выражение наличия пустоты (horror vacui) в познавательном стремлении, в результате которого расширяются знания о конкретной предметной области [2; 83-84].

Вопошание имеет давнишнюю историю. Истоки «вопрошающего человеческого бытия» мы находим в письменных памятниках Древнего Египта. Например, в «Беседе разочарованного со своим духом» представлены образцы смятенного вопрошания («Кому мне открыться сегодня?»). Памятники культуры Месопотамии также имеют интересные образцы предфилософского вопрошания. В памятниках культуры Древней Индии содержатся: а) сомнения в существовании богов («Нет Индры, — иные говорят, — кто его видел? Кого воспевать нам? Где он? ... нет его»); б) постановка первых философских вопросов («Откуда возникло мироздание») — Ригведа. В древнекитайской книге «Чжуан-цзы» ставятся вопросы: «Существует ли в Поднебесной высшее счастье? Чего домогаться и от чего отказаться? Что любить, а что ненавидеть?»

Первые следы преподнесения философских идей в вопросно-ответной форме находим в древнегреческой философии, философии «семи мудрецов». Сократ, например, определял диалог как процесс выработки правильного вопроса и ответа на него. Платон считал, что «истинные мнения, если их разбудить вопросом, становятся знанием». В диалоге «Менон» Платон устами Сократа прямо говорит о вопрошании: «Если вопрошающий окажется одним из тех мудрецов — любителей спорить и препираться, я отвечу ему: «свое я сказал, а если говорю неправильно, то теперь твое дело взять слово и уличить меня. Если же собеседники, как мы с тобой сейчас, захотят рассуждать по-дружески, то отвечать следует мягче и в большем соответствии с искусством вести рассуждение. А это искусство состоит не только в том, чтобы отвечать правду: надо еще исходить из того,

что известно вопрошающему, по его собственному признанию» [3; 581].

Аристотель говорил, что «знание может быть у того, у кого есть вопросы». Ф. Бэкон полагал, что естествоиспытатель должен «допрашивать природу», естественно задавая вопросы. И. Кант считал, что «умение ставить разумные вопросы уже есть важный и необходимый признак ума и проницательности». Известный британский историк науки Р.Дж. Коллингвуд назвал вопрос «гремучей смесью в пистоне патрона, движущей силой каждого взрыва». К. Поппер рассматривал историю науки не как смену теорий, а как постановку и решение проблем (вопросов). Классик герменевтики Х.-Г. Гадамер пишет, что «подлинная сущность познания заключается, пожалуй, не столько в том, что нам приходит в голову решение загадки, сколько в том, что нам приходит в голову вопрос». В.П. Коппин полагал, что «вопрос — одна из форм познания и раскрытия предмета», что «нет такой науки, которая бы обходилась без постановки вопросов». По мнению, В.В. Бибикина, наука основывается на способности исследователей видеть в каждом факте не ответ, а вопрос. Этот перечень можно было продолжить, но и приведенные высказывания доказывают тот факт, что человечество признавало значимость вопрошания.

К сказанному следует добавить и то, что религиозное вопрошание было развито в Древней Руси. В качестве примера можно привести апокрифический памятник средневековой христианской литературы — Вопросы Варфоломеевы к Богородице. Один из его малочисленных списков — южнославянский, в сборнике XVI в. заглавия его частей выглядят следующим образом: «Въпрошение святых апостолы о пречистой богородици...» (нач.: «Быше апостолы на месте Хритире с Мариєю богородицею...») и «Впрошение святого и славного апостола Христова Варфоломея...» (нач.: «По въскресеии из мрътвых господа нашего Исуса Христа апостолим хотециим въпрашати господа и вси не смѣахоу въпраша-

ти его...») [4; 276—281]. В древнерусской письменности распространение получил список «Воспрашанье святого апостола Вальфромъа» (нач.: «Пред воскресеньем из мертвых господ нашего Иисуса Христа...»), в Паисиевом сборнике XIV в. Памятник по русским спискам был издан Н. С. Тихонравовым [5]. В нем описывается обращение апостолов к Христу перед его смертью и воскресением с просьбой раскрыть некоторые тайны. Трактовка догматических вопросов библейской письменности в памятнике несколько отличаются от Священного писания. Н.С. Тихонравов на первый план выдвигает лишь божественную природу Христа, обходя его человеческую сторону [4, 5].

Таким образом, вопрошание было распространено во всех сферах жизни. Человек не мог не вопрошать. Вопрошание принадлежит к его существу. Человек не «безвопросно вплетен в необходимость событий природы, он не встроен подобно животному в ограниченную окружающую среду и не фиксируем определенным поведением... Он обязан творить человеческий мир как отдельный индивидуум и сообща. Для этого необходимо собственное, личное познание. Поэтому мы обязаны вопрошать о том, чего мы не знаем, но должны и хотим знать, чтобы правильно вести себя, будучи свободными» [6; 5].

Тем не менее, человечество мало продвинулось в этом направлении, вопрошание не подверглось специальному философскому исследованию. Правда, зафиксированы весьма глубокие замечания немногих авторов, которые служат ориентиром для теоретической разработки вопрошания.

Не секрет, что «страстью Хайдеггера было вопрошание», а не ответы на вопросы. То, что он неустанно искал и то, о чем вопрошал Хайдеггер называл «бытием». На протяжении всей своей философской жизни он вновь и вновь задавал один-единственный вопрос — о сущности бытия. Его интересовал только вопрос сущности бытия, завораживал классический вопрос онтологии: «Почему есть нечто, а не ничто?» Смысл же этого вопроса

сводился к тому, чтобы вернуть жизни ее тайну — тайну, которая в современную эпоху оказалась на грани исчезновения [7; 19]. В работе «Бытие и время» М. Хайдеггер определяет вопрошание как искание, как поиск [8; 20] Дальше он пишет, «что спрашивание как спрашивание о ... имеет свое спрошенное. Всякое спрашивание о ... есть тем или иным образом допрашивание у... К спрашиванию принадлежит кроме спрошенного опрашиваемое. ... В спрашиваемом лежит тогда как собственно выведываемое выспрашивание. Спрашивание может вестись как «просто-так расспрашивание» или как эксплицитная постановка вопроса... В интервью для журнала «Экспресс» М. Хайдеггер утверждает: «вопрошать значит прокладывать путь, создавать его». В работе «Пролегомены к истории понятия времени. Взаимосвязь вопроса о бытии и вопрошающего сущего» М. Хайдеггер пишет, что «само вопрошание — это сущее, и в ходе вопрошания оно дано вместе с вопросом о бытии сущего, даже если это явно не осознается, в вопрошании имеется выспрашиваемое, — оно содержание вопрошания. Если вопрошание подлинно, оно должно быть насколько это возможно соразмерным своему выспрашиваемому, т.е. должно опираться на верное понимание того, что оно спрашивает именно о бытии». И.Н. Пригожин, И. Стенгерс в работе «Порядок из хаоса» свидетельствуют о том, что М. Хайдеггер теорию называет вопрошанием. «То, что мы называем научной «теорией», представляет, по Хайдеггеру, не более чем способ вопрошания вещей, с тем чтобы подчинить их себе» [9; 75].

Вопрошание есть спрашивание. «Искусство вопрошания, — пишет, — Х.-Г. Гадамер, — есть искусство спрашивания, то есть искусство мышления» [10; 431]. Дальше он еще подробнее говорит о спрашивании: «Искусство введения беседы есть, таким образом, искусство испытания чужого мнения. Но искусство испытания есть искусство спрашивания. Мы уже видели: спрашивать — значит раскрывать и выводить в открытое» [10; 432].

«К сущности вопроса относится то, что вопрос имеет смысл. Смысл, однако, есть направленность. Смысл вопроса — это, таким образом, направление, в котором только и может последовать ответ, если этот ответ хочет быть осмысленным, смыслообразным. Вопрос выводит опрашиваемое в определенную перспективу. Появление вопроса как бы вскрывает бытие опрашиваемого. Поэтому логос, раскрывающий это вскрытое бытие, всегда является ответом. Он сам имеет смысл лишь в смысле поставленного вопроса» [10; 427]. Словом «сущность вопроса заключается в открытии возможностей и в том, чтобы они оставались открытыми» [10; 354].

И.Н. Пригожин и И. Стенгерс рассматривают вопрошание как «развитие искусства вопрошания природы в той его форме, в какой оно сформировалось в рамках экспериментального диалога в естествознании, есть в этом смысле открытый будущему самоорганизующийся процесс, в котором ответы на поставленные вопросы влекут за собой постановку все новых и новых вопросов» [9; 420]. Из этой мысли, на наш взгляд, следует, что самая главная особенность вопрошания — это непрерывность, бесконечность задавания новых вопросов.

Интересную трактовку вопрошания предлагает Эмрих Корет. В работе «Основы метафизики» он пишет: «Вопрощать означает не-знать, зная о собственном не-знании, а это означает стремление к дальнейшему знанию» [6; 4]. Аристотель в начале своей «Метафизики» говорит: «Все люди от природы стремятся к знанию» [11; 21, 980 а]. Далее он объясняет вопрошание как рефлексию вопроса или как вопрос о вопросе, правильно ли он поставлен, имеет ли вопрос ответ, верны ли основания вопроса? Словом, вопрос о вопросе постепенно трансформируется в вопрос об условиях возможности вопрошания. Говоря о взаимосвязи вопроса и вопрошания, Э. Корет утверждает, что вопрос — это исполнение вопрошания. В качестве условия вопрошания вслед за Сократом, Р. Декартом, Н. Кузанским Э. Корет выдвигает

знание о своем незнании: «Вопрощание есть движение, в котором мы, зная о собственном не-знании, стремимся к дальнейшему знанию» [6; 19].

Вопрощание — это выдвигание вопроса во главу угла изучения предмета. Согласно «Энциклопедии незнания», изданной в Англии, описывать следует не только области знания, но и области человеческого незнания. На самом деле, полученные знания — «всего лишь островок среди безбрежного океана еще непознанного». В книге эта мысль подкрепляется аргументами в форме цитирования выдающихся ученых и исследователей о проблемах, с которыми наука еще только столкнулась. Ф. Крик, который вместе с Дж. Уотсоном открыл строение ДНК, пишет: «Мы знаем сейчас, как организм строит свои молекулы, хотя большинство из них нельзя увидеть даже в самый сильный микроскоп, и в то же время мы совершенно не знаем, как организм создает цветок, или руку, или глаз, то есть органы, видимые невооруженным глазом» [12; 102]. В рамках сказанного вопрошание — это вопрошательное отношение к миру, к себе, к другим, к сказанному, к прочитанному, к услышанному. Вопросительность — это пытливость ума, заинтересованность в том, чтобы разобраться в предмете, для чего необходим выход за его рамки и обретение тем самым смысла, ибо смысл всегда находится за пределами. Вопрошание — настроенность, заостренность нашего сознания на неизвестное, на невидимую сторону предмета. Знание состоит из позитивного, содержательного знания и незнания. Вопрошание имеет место тогда, когда позитивное знание высвечивает незнание. В этом контексте интересен следующий случай: характеризуя научную деятельность А.М. Бутлерова, Д.И. Менделеев написал: «Все время его работы были направлены к тому, чтобы во всем видимом и осязаемом увидеть сторону невидимого, постигнуть и разработать ее до конца. Ему было свойственно стремление проникнуть через видимое в невидимый мир тех химических процессов, которые он изучал.

Задача теоретической химии состоит не в описании отдельных частей химии, а, исключительно, в изложении того невидимого, что в химизме проявляется». В понятиях и суждениях «на первый план выступает то, что известно о предмете, а не то, что в нем неясно» [13; 33-34]. А то, что неизвестно в предмете, представлено в вопросе.

Вопрошание противостоит мнению, его антипод. Мнение — это представление некоторой реальности, некий «первичный» взгляд, брошенный на предметы. В «Государстве» Платона читаем: «Мнение — это ни знание, ни незнание; оно более смутно, чем знание, но яснее, чем незнание, оно среднее между ними» [14; 258-259]. «Ум и мнение, — наставляет далее Платон в «Тимее», — это два различных рода, ум рождается от наставления, а мнение — от убеждения; первый всегда способен отдать себе во всем правильный отчет, второе — безотчетно». Мнение — это искажение, оно отличается тем, что не может быть доказано в своей истинности, ибо мнение воспринимает мир теней как настоящий. Но это не значит, что мнение не может быть правильным: если мнение правильно, оно устраняется как мнение [15; 64,66]. Платон считал, что мнение есть неясное, сомнительное знание, которое требует корректировки, очищения от явных заблуждений. Во мнении всегда доминирует убеждение человека в своей правоте: оно изначально не допускает иной мысли, кроме своей собственной, здесь нет места ни рефлексии, ни сомнению. Мнения — область предрассудков, которая удерживает разум в плену, назначает ему пределы. В противовес устойчивости мнений спрашивание погружает в состояние нерешительности и сомнения. «Искусством» спрашивания обладает тот, — писал Гадамер, — кто способен противостоять господствующему мнению, стремящемуся замять вопрос» [10; 432]. Мнение подавляет вопрос... Тот, кто полагает, что он все знает лучше, вообще не способен спрашивать. Чтобы быть в состоянии спрашивать, следует хотеть знать, то есть знать о своем

незнании. В комедийной смене вопросов и ответов, знания и незнания, которую рисует Платон, раскрывается необходимость предварительного вопроса для всякого познания, всякого речения, раскрывающих суть дела [10; 427].

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что вопрошание — это спрашивание (вопрошание определяется как спрашивание в Толковом словаре Даля, в Толковом словаре Ушакова, в толковом словаре Ожегова, в русском орфографическом словаре), «радикальная вопросительность», но не только спрашивание: вопрошание — еще и настроенность на спрашивание, «задетость» неизвестным, поиск возможностей задать вопросы, установка на нахождение не прозвучавших еще вопросов, постоянная готовность отыскания и идентификации все новых вопросов. Вопрошание — это жажда познания, «безмолвное напряжение, страсть, стремление узнать».

«Составляющими вопрошания являются: преодоление власти мнения, подавляющего вопрошание (По Платону, мнение — падучая болезнь); выведение из знания незнания, усмотрение в известном неизвестного; разграничение (демаркация) знания и незнания; уход от знания в сферу открытого; осмысление области неизвестного» [10].

Методами вопрошания являются включение известного в иной контекст; демаркация известного и неизвестного о предмете; придание высказыванию иного смысла; сомнение и преодоление собственного мнения, обращенный метод, столкновение смыслов.

Вопрос и вопрошание — как они соотносятся? На первый взгляд, в соотношении «вопрос-вопрошание» спрашивание — это корневое, а вопрошание — более широкое и производное от вопроса. В самом деле, мы спрашиваем, озвучиваем вопрос тогда, когда он уже есть, сформулирован. Здесь вопрос приводит к вопрошанию. Но означает ли это, что вопрос всегда предшествует вопрошанию? Видимо, нет. Отношение «задетости» неизвестным возникает задолго до усмотрения

и формулировки вопроса. Следовательно, вопрошание реализуется, осуществляется, кристаллизуется в вопросе: вопрос становится исполнением вопрошания. Но это еще не вся схема: «при настоящем, подлинном вопрошании вопросы исчезают, — остается только жажда, а это совсем иное состояние сознания: не складываются никакие вопросы — одно вопрошание, безмолвное напряжение, страсть, стремление узнать, но вопросов нет» [16]. Эти слова в контексте наших рассуждений могут означать только одно: вопросы являются единственным средством выражения, передачи, исполнения вопрошания.

Вопошание глубоко укоренено в духовной и профессиональной сферах жизни. Душа задает масштабные вопросы: «Кто ты? Что ты хочешь совершить? Какой выбор для тебя самый правильный? — все мы ответственны и за честную постановку вопросов, и за полное проживание ответов, которые мы на них даем. Если мы живем вопросами, значит мы живем более масштабной жизнью» [17; 8].

Вопошание имеет место в науке, в религии, в философии, в педагогике. Научное вопрошание — это вопрошание в лоне науки. Ученые отличаются пронизательностью, пытливым умом, умением задавать нестандартные вопросы. В науке общепризнанным является мнение, согласно которому обнаружение и высказывание вопроса или проблемы куда труднее, нежели их разрешение. А. Эйнштейн и Л. Инфельд писали, что «формулирование проблемы часто более существенно, чем ее разрешение, которое может быть делом математического или экспериментального мастерства». Согласно мысли Гадамера, «подлинная сущность познания заключается, пожалуй, не столько в том, что нам приходит в голову решение, сколько в том, что нам приходит в голову вопрос, выталкивающий нас в сферу открытого и поэтому создающий возможность ответа. Всякое прозрение имеет структуру вопроса» [10; 430]. Давид Гильберт на Парижском международном математическом конгрессе в 1900

году рассмотрел 23 проблемы, которые повлияли на развитие математики XX века. Гильберт открывал свой доклад вопросами: «Кто из нас не хотел бы приоткрыть завесу, за которой скрыто наше будущее, чтобы хот одним взглядом проникнуть в предстоящие успехи наших знаний и тайны его развития в ближайшие столетия? Каковы будут те особенные цели, которые поставят ведущие математические умы ближайшего поколения? Какие новые методы и новые факты будут открыты в новом столетии на широком и богатом поле математической мысли?»

Суть вопросов сводится к следующему: Из чего сделана вселенная? Как зародилась жизнь? Одни ли мы во вселенной? Что делает нас людьми? Что такое сознание? Почему мы видим сны? Почему мы здесь есть? Существуют ли другие вселенные? Что нам делать с углекислым газом? Как эффективнее использовать солнечную энергию? Какую тайну хранят в себе простые числа? Как победить бактерии? Могут ли компьютеры работать еще быстрее, эффективнее? Будем ли мы когда-либо излечивать рак? Когда можно ожидать появление робота-дворецкого? Что таит в себе океанское дно? Что находится на дне черной дыры? Можем ли жить вечно? Как решить проблему народонаселения? Возможно ли путешествие во времени?

В науке ответы на вопросы несколько запаздывают, но можно быть уверенным в том, что ответы, в конечном счете, последуют, ибо научные вопросы поддаются решению конечным числом шагов. Решив один вопрос, наука идет ко второму, решив второй, идет к третьему. Если научный вопрос не решается сегодня, то решится завтра, послезавтра. Многие ученые и сейчас мечтают доказать теорему Ферми. В общем можно предположить, что она имеет решение, другое дело, что это решение еще не найдено. Наука за редким исключением не поднимает неподъемных, не решаемых вопросов: вопросы, которые ставит наука, пропорциональны уровню ее развития и в этом смысле вполне решаемы.

В этом, пожалуй, главное отличие научного вопрошания от вопрошания в философии.

Философское вопрошание: в философии давно существует сложная ситуация. Очевидно, что философы осознают, что философия возможна только как вопрошание: Ф. Бэкон прямо утверждал, что философию можно преподнести не только в форме утверждений, но и вопросов. Иллюстрацией к сказанному служит философия Сократа. Он своим способом философствования (вопрошанием) опровергает традиционное представление о философском знании как о теоретической содержательной системе, в которой осуществляется «утверждение того, что может быть сохранено, передано, преемственно развито в качестве устойчивой опоры последующей человеческой деятельности» [1; 118]. Взамен традиционному философствованию Сократ призывает вести разговор вопросами: ставить все новые и новые вопросы и, получая на них те или иные ответы, не признавать их единственно верными, не удовлетворяться этими ответами и идти дальше в постановке новых вопросов. Идею разговора философскими вопросами усиливает Л. Витгенштейн: идеальным философским произведением он считал трактат, составленный только из вопросов без ответов [18; 109-115]. В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейна, например, насчитали 784 вопроса и только 110 ответов. Разговаривать вопросами для него означало обладать искусством философствования. А с другой стороны, философы любой ценой пытаются создать собственную систему знаний. Философия, представленная в виде утвердительно знания, представляется более ценной, чем философские вопросы. На этом основаны учебные программы, стандарты, компетенции. Однако изложение философии в форме готовых истин, подобных научным, не соответствует природе философии. К тому же идея «единственной истины» принесла столько жертв и бедствий, что с ней не сравнится ни одна война. Если мнений много, а исти-

на одна, тотчас находятся ее жрецы и начинается беспощадная война с еретиками. Поэтому надо бояться людей «одной книги»! Мнений должно быть множество. Каждое мнение должно быть ясным и однозначным, но не должно быть окончательным и исключительным, как судебский приговор, как смертная казнь, как «торжество идеи», требующей крови, крови, крови... Единство мыслимо при наличии множества. Лигети говорил, что объединять, связывать можно только то, что индивидуализировано и поэтому различно. Изучение философии у магометан, по свидетельству Гете, начинается учением, что не существует ничего, о чем нельзя высказать противоположного сказанному, юношей вынуждали упражняться в задачах, состоящих в том, чтобы находить противоположное мнение для всякого утверждения.

Почему изложение философии в форме готовых истин противно ее природе? — Хотя бы потому, что в философии многое спорно. И. Кант дал название этому феномену — «скандал в философии»: философы, эти умные, интересно и глубоко мыслящие люди, на протяжении очень многих лет не могут решить ни один философский вопрос так, чтобы его решение их всех удовлетворило. С тех пор положение не изменилось. И ныне философы продолжают обсуждать исключительно сложные проблемы, оспаривая мысли и мнения друг друга в бесконечном поиске новых решений. Про «скандальную» особенность философии писал еще раньше Р.Декарт: «О философии скажу одно: видя, что в течение многих веков она разрабатывается превосходнейшими умами и, несмотря на это, в ней доньше нет положения, которое не служило бы предметом споров и, следовательно, не было бы сомнительным, я не нашел в себе самонадеянности, чтобы рассчитывать на больший успех, чем другие. И, принимая во внимание, сколько относительно одного и того же предмета может быть разных мнений, поддерживаемых учеными людьми, тогда как истинным среди этих мнений может быть только одно,

я стал считать ложным почти все, что было и не более чем правдоподобным» [19; 254]. В философии споры происходят и на уровне поиска, и на уровне изложения. Иначе нет философии. Спор — суть философии. Что может быть этому объяснением?

Философия занимается такими предметами, о которых нельзя составить общезначимые суждения. Почему? Неизменная связь философии с личностью философа предопределяет невозможность нахождения универсальных ответов. Вопрос о философии всегда лично окрашен и рассматривается путем соотнесения философии с мифом, искусством, религией, наукой. Философия не терпит однообразия. Философы пишут по-разному, здесь нет места соревновательному духу, философские ответы лично окрашены и в силу этого неповторимы.

Философские вопросы не имеют окончательных и готовых для всех случаев жизни ответов. Дело в том, что «любые ответы, которые приходят сегодня, завтра уже не смогут нас удовлетворить, а лишь будут вызывать у нас все новые и новые вопросы [17; 166]. Напротив, научные проблемы, имеют решение. Причина кроется в следующем: значимым в науке выступает исследуемый предмет, а в философии — самым важным является тот, кто философствует. Можно сказать, что в науке превалирует предметная основа, в философии — личностная. По этой причине научные знания универсальны и интерсубъективны, а философские суждения универсальны как логически обоснованные и уникальны как личностные. Поэтому у каждого читателя свое понимание философской литературы, свой Платон, свой Аристотель, свой Кант, в то время как у всех читателей один Ньютон, один Планк, один Эйнштейн. Разночтение, следовательно, — признак философского характера сочинений Платона, Аристотеля, Канта, а не случайность и не слабость философии. К тому же философские проблемы (вопросы) не проблемы вовсе. В философии нет проблем, а есть тайны человеческого бытия.

Философия есть наше участие в бытии, которое возобновляется каждый раз заново. По этой причине в философии нет ничего такого, что раз и навсегда можно принять как правило. Такая ситуация, например, существует в нравственности. Нравственность — тоже вечная проблема. В каком смысле? — Нет ничего, что было бы навсегда нравственным (М. Мамардашвили). Только образец жизни умершего героя. Это вечно. А в живой жизни нет правил для всех случаев: каждый раз нужно заново принимать решение. Философия — свидетельство единичного сознания: никому не дано испытать мои любовь, боль, радость, никто не может увидеть мир моими глазами. Невозможно заменить одного автора другим: «Так говорил Заратустра» никто за Ф. Ницше написать не мог, как никто другой не мог бы написать «Свадебный марш» Мендельсона. Каждый философ раскрывает свой настрой, содержание своего сознания, демонстрирует склад своего ума. Поэтому любая философия связана со структурой сознания и личностью ее творца. Начало философии — это опыт нашей собственной слабости и бессилия. Философия — форма персонального беспокойства. Философия — это уход в себя, самообнажение, по словам Ортеги-и-Гассет, сведение счетов с самим собой, причем с такой «ужасающей обнаженностью», которую человек может позволить себе только наедине с собой. Философия — сознание вслух, ритм мышления, путь мысли, пролегающий через личные испытания философа, благодаря которым мы обретаем незаменимый личностный опыт. На философском труде всегда отпечаток личности философа, устраните этот отпечаток — вы уничтожите сам труд. Понять философию вне личности невозможно: до конца распознать мысль можно, лишь проникнув в душу мыслителя. В этом смысле философия — это «хождение по душам» великих. Нет ничего занимательнее, нежели души великих мыслителей. Философия личностна, но это не порок — это ее сущность. Порок — философские системы, претендующие

на объективность и всеобщность. Философ делает свою жизнь аргументом своей философии. Множество философских идей, взглядов — не признак кризиса или разложения философии, а напротив, свидетельство того, что философия хорошо делает свое дело. Философия ступенчатая, ее ступени — великие философы.

Философия имеет издержки. Издержками философии «являются взаимная нетерпимость и ядоизвергающая сила, с которой одни философы поносят других, например, Шопенгауэр и Кьеркегор — Гегеля или Ницше — Канта». К издержкам философии относятся еще и философские системы: «наивысший грех философа — звать за собой; наивысшая добродетель философа — следовать своему учению».

В силу своей личностной природы философия не прогрессирует, а «пульсирует, не восходит, а выбрасывает новые ветви». Философия не развивается, а «истинствует, воюет, терпит поражения, залечивает раны». Философия «субъективна, пристрастна, человечна: Платон «не заметил» Демокрита, Гегель в своих лекциях «забыл» Николая Кузанского». Философия «спонтанна, непредсказуема, невыводима».

Вопросы в философии важнее ответов. По отношению к каждому предмету изучения философия предлагает нам множество ответов. Например, Фалес признавал воду в качестве первоначала сущего, по мнению Анаксимандра, начало всего — апейрон, Анаксимен началом всего сущего мыслил воздух, Ферекид начало всего видел в земле (Хтони), а Гераклит началом всего находил огонь. Ответ на вопрос — «Что есть философия?» — искали многие поколения мыслителей, и каждое поколение находило свои ответы. «Почему вообще есть сущее, а, не напротив, ничто?» — это, по мысли М. Хайдеггера, вопрос всех вопросов. Хотя многие его не задают, но все же хотя бы один раз, а то и не единожды каждого задевает скрытая сила этого вопроса. В связи с этим, что считать главной мыслительной реальностью — различные суждения, высказанные

Фалесом, Анаксимандром, Анаксименом, Ферикидом, Гераклитом, или вопросы, спровоцировавшие многообразие взглядов? Конечно, вопросы! Об этом Джеймс Холлис пишет следующим образом: «Во время странствия, которое мы называем жизнью, нам лучше всего помогают не ответы, которые в лучшем случае порождают искушение недолговечными истинами, а вопросы, которые вызывают у нас тревогу и тем самым побуждают к росту» [17; 171]. Философия преимущественно — «архитектура вопросов» (Э. Ионеско), а не система ответов. Еще один аргумент в пользу вопроса — главный философский журнал называется «Вопросы философии», а не «Философские ответы». Это не является случайностью. Ответы, которые мы когда-то отчаянно искали, становятся даже не очень важными, но вопросы остаются, они никуда не исчезают. Выходит, что вопросы в философии царственнее ответов. В философии важнее поставить вопрос, нежели искать ответ (Витгенштейн), ибо ответ на философский вопрос легко может показаться неправильным, а опровержение его посредством другого вопроса — трудным. Следовательно, в философии речь может идти не столько о правильности ответа, сколько о корректности постановки вопроса. Собеседники Сократа, например, в процессе беседы начинали усматривать противоречия в своих рассуждениях, в них зарождалось сомнение, и они постепенно вслед за Сократом и приходят к мысли, что они ничего, по сути, не знают. «Но при этом смотрит на себя со стороны, он как бы раздваивается, какой-то частью своего существа отождествляясь с Сократом во взаимном согласии, которого он требует от собеседника на каждом этапе рассуждения. Так в нем пробуждается самосознание» [20; 4-5].

В философии задают вопросы не всегда для ответа. Не следует ставить задачу найти ответы на все вопросы. Наши вопросы, «как комнаты, запертые на ключ, или книги, написанные на совершенно чужом языке. Не отыскивайте сейчас ответов,

которые вам не могут быть даны, потому что эти ответы могут стать вашей жизнью. Живите сейчас вопросами. Быть может, вы тогда понемногу, сами того не замечая, в какой-нибудь очень далекий день доживете до ответа» [17; 24]. Более того, философское вопрошание не требует и не ждёт ответов. Например, Хайдеггер ставит «вопрос о бытии» и без конца возобновляет его, не предлагая ответа, не потому, что он действительно ищет ответ на вопрос и не может найти, а потому, что «вопрос сам по себе безответен, неразрешим» (Ричард Рорти). Смысл вопросов состоит не в том, чтобы на них ответить, а в том, чтобы они существовали как символы постоянного движения, постоянной изменчивости, постоянного странствования. Питер Маттиссен после долгих и неудачных поисков снежного человека задался вопросом: «Ты видел снежного человека?» — «Нет», — ответил он себе самому. — Разве это не прекрасно?» Выходит, снежный человек не цель, а метафора странствования. Философские вопросы как метафора думанья, мышления, метафора мыслительного странствования. «Серьезность философской истины не сводится в своей радикальности к догматическому знанию, а живет в вопрошании, в страстном стремлении к абсолюту и к знанию незнания» [21; 16].

Вопрошающий человек становится эпицентром, персонажем собственного мышления, внимания, рефлексии над собой. Он осознает ничтожность своего знания, ощущает дискомфорт и неуверенность, отказывается повторять мнения других. Более того, он перестает заботиться о содержании своего знания и переключается от предмета знания на самого себя. Например, «истинный предмет сократического диалога — не то, о чем идет речь, а тот, кто говорит [20; 43-44]. Этим отличается философия от науки.

Вопрошание — бытийное назначение философии. «Метафизика есть вопрошание, в котором мы пытаемся охватить вопросами сущее и спрашиваем о нем так, что сами, спрашивающие, оказываемся поставлены под вопрос»

[8; 333]. Спрашивание о главном, о бытии, недовольство видимым, непосредственно данным характеризует философию. Философ задает трудные вопросы о «вещах», которые кажутся понятными, ясными, самоочевидными. На уровне здравого смысла никто не спрашивает «что есть вещь?», «что есть время?», «что есть человек?». Мы ставим вопросы и усматриваем невидимое в известном, устанавливаем неизвестность знакомого. Спрашивание известного с тем, чтобы оно показало неизвестную сторону, отличает мышление. Известный физик Джон Уилер, у которого было несколько учеников — нобелевских лауреатов, сказал, что самое трудное в современном мышлении — это привыкнуть рассматривать мир не как готовый, а как становящийся. Современная физика преподносит такой урок. Нужно научиться жить в мире неготовых смыслов, а в таком мире, где смыслы становятся по ходу дела [22; 14-15]. Добавим от себя: если для физики жить в мире неготовых смыслов все же тенденция, то для философии — суть постижения. Об этом говорят следующие философские вопросы: Конечен или бесконечен мир? В чем смысл жизни? Что тебе надо в мире? Что достигли те, кто действовал до тебя? Какое значение имело то, к чему они стремились? Что есть истина? В чем счастье человека? Что такое красота, любовь, героизм? Являются ли они ценностями, ради которых стоит жить? Для чего все тяготы и бремя жизни? Для чего страдания и умирание? Умеет ли смысл отстаивать ценности и цели, зачем изнурять всем этим себя? Не является ли все это бессмысленным? Как дух соотносится с материей? Существует ли в глубинах бытия сверхъестественные силы? Конечен или бесконечен мир? В каком направлении развивается Вселенная и имеет ли она цель в своем движении? Существуют ли принципиально непознаваемые объекты? Истина является объективной или субъективной? Если все существующее противоречиво, то последовательность является свидетельством ложности?

Является ли общее сущностью и причиной единичного? Существуют ли законы природы и общества или человек лишь верит в них в силу своей склонности к порядку? Существует ли свобода воли? Что такое человек и каково его место во всеобщей взаимосвязи явлений мира? Какова природа человеческого разума? Что такое добро и зло? Есть ли смысл в движении истории человечества? — Эти и другие вопросы образуют структуру и содержание философии. В случае, если философия прекратит вопрошать, то она утратит свою природу.

Педагогическое вопрошание — это спрашивание в педагогическом процессе. В своей работе «Что такое просвещение?» И. Кант призывал нас рискнуть и положиться на свой ум. Почему рискнуть? Разве это не «так естественно»: думать? Проблема состоит в том, что тело не создано для мысли. Оно наполнено всякими желаниями, влечениями, фантазиями. Вот тебе захотелось подумать, а тело тебе говорит: «Займись мной. Смотри, сколько вкусных вещей на витрине». И ты смотришь. И никакой мысли поймать уже не можешь. Быть все время в сознании трудно. Почему? Потому что быть в сознании — значит вступать с собой в нулевую коммуникацию, — то есть услышать себя, узнать, что ты думаешь. Для этого требуется мужество ума и умение задавать вопросы. Вопрошание — основа и содержание педагогического процесса. Дело вот, в чем: какие бы локальные или масштабные проблемы не решались в учебном процессе, содержанием их является поиск и нахождение новых знаний, а это возможно только через спрашивание: спрашивание — это пружина, энергия обучения. Исходя из этого, можно полагать (утверждать), что педагогическое вопрошание в предельно широком понимании — это задавание все новых и новых вопросов не для того, чтобы получить на них немедленные ответы, а чтобы продолжать спрашивать дальше. Это — вопрошание, «работающее само на себя», вопрошание, порождающее новые вопросы. Здесь уместно

сослаться на Ф.Бэкона: С науками происходит то же, что и с растениями: если нужно просто использовать растение, то судьба корня для нас безразлична, если нужно пересадить его в другую почву, то с корнями обращаются особенно осторожно. Вопрошание (научное, философское, религиозное), доведенное до методологического уровня, когда само вопрошание становится предметом подражания, научения, рефлексии, когда результатом вопрошания становятся не ответы, а новые вопросы, оно делается педагогическим. Другими словами, вопрошание, ставшее средством получения все новых и новых вопросов, и есть педагогическое вопрошание. «Характер современного вопрошания таков, что у аудитории нет вопросов, а у педагогов нет ответов, поэтому вопрошать нужно о самой возможности вопрошания» [23]. Педагогическое вопрошание имеет цель научить задавать вопросы. Вместо традиционной формы знания-утверждения Сократ предлагает вопрошание.

В отличие от педагогического вопрошания, для которого искомым является новый вопрос, а не ответ, педагогический (экзаменационный) вопрос строго ориентирован на ответ — в этом принципиальное его отличие от вопрошания. Педагогический и экзаменационный вопросы не одно и то же. Педагогический вопрос шире, чем экзаменационный: не всякий педагогический вопрос является экзаменационным, но всякий экзаменационный вопрос педагогичен. Каковы особенности педагогического вопроса?

В соотношении педагогического вопрошания и педагогического вопроса самым главным является то, что педагогический вопрос — вербальное средство выражения вопрошания. Если мы собираемся точно, недвусмысленно выразить содержание вопрошания, то, как справедливо указывает польский логик З. Цацковский, можем это сделать только вопросительным предложением. Вопрос, вопросительное предложение — естественная, а поэтому весьма желательная форма транслирования вопрошания. В вопросительном

предложении «присутствуют» вопрошающий, вопрошаемое и опрашивающий — такой вопрос не назовешь обезличенным. Кроме того, в вопросительном предложении достигается «легкая трудность» [24], без которой вопрос утрачивает суггестивный потенциал и перестает быть стимулом познавательной деятельности.

Как утверждал И. Кант, умение задавать корректно сформулированные вопросы есть важнейший и необходимый признак ума, проницательности и добавим от себя - педагогического мастерства. Суммируя вышесказанное, можно попытаться очень осторожно перечислить основные параметры правильных педагогических вопросов:

— в вопросе должно быть четко представлено неизвестное-искомое;

— в вопросе неизвестное-искомое обозначено чем-нибудь известным;

— вопрос должен быть лаконичным (не длинным), ясным, чтобы сфокусировать внимание опрашиваемого на узнавание и распознавание неизвестного-искомого;

— в вопросе должны быть представлены условия поиска искомого;

— в вопросе должно быть очерчено мыслительное «пространство», в котором можно найти искомое;

— в вопросе должен присутствовать «запрос» искомого, мотивация;— основания вопроса должны быть истинными;

— вопросы не могут быть ни слишком широкими и трудными, чтобы нельзя было на них ответить, ни слишком узкими и легкими, чтобы незачем было этим заниматься;

— в вопросе имплицитно должен присутствовать ответ, благодаря чему можно было бы узнать искомое в случае его «нахождения»;

— в вопросе должно быть вопрошание, выражено вопросительным предложением;

— в вопросе должны быть представлены спрашивающий, спрашиваемое и опрашиваемый;

— вопрос должен оставаться открытым и тем самым создавать возможность ответа. При соблюдении вышеперечисленных нехитрых, на первый взгляд, требований можно рассчитывать на успех в педагогическом вопрошании.

Примечания:

1. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 445 с.
2. Философский словарь: основан Г. Шмитом. 22 новое перераб. изд. / под общ. ред. В.А. Малинина. М.: Республика, 2003. 576 с.
3. Платон. Менон // Платон. Сочинения в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 865 с.
4. Мочульский В.Н. Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса: Тип. Шт. Войск Одесского воен. окр., 1893. 285 с.
5. Памятники отреченной русской литературы: в 2 т. Т. 2 / изд. подгот. В.С. Тихонравов. СПб., 1863. 457 с.
6. Корет Э. Основы метафизики. Киев: Тандем, 1998. 248 с.
7. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. М.: Мол. гвардия, 2005. 614 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
9. Пригожин И.Н., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
11. Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 275 с.
12. Мезенцев В.А. Чудеса: популярная энциклопедия. Т. 2. Алма-Ата: Казахская сов. энциклопедия, 1991. 380 с.
13. Заботин В.В. Этап усмотрения проблемы в мышлении и обучении. Владимир, 1973. 187 с.
14. Платон. Государство // Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 258-259.
15. Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 464 с.
16. Бхагаван Ш.Р. Избранные беседы. Т. 3. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 392 с.
17. Холлис Дж. Жизнь как странствование. Вопросы и вопросы. М.: Класс, 2009. 184 с.

18. Баллаева Е.А. Роль иронии в философской практике Л. Витгенштейна (Критический анализ методологических установок лингвистической концепции философии). М., 1979. С. 109-115.
19. Декарт Р. Сочинения: в 2 т.: пер. с лат. и фр. Т. 1 / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.
20. Адо П. Что такое античная философия? / пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1999. 320 с.
21. Фишер Н. Философское вопрошание о Боге. М.: Христианская Россия, 2004. 416 с.
22. Делокаров К.Х., Комиссарова Г.А. Философия и мегатенденции современной цивилизации. М.: Фон, 1998. 156 с.
23. Черенков М.Н. Кризис образования и образование в эпоху кризиса. URL:http://dcu.org.ua/ru/novyij_resurs5.html.
24. Хакуз П.М., Гура А.Ю. «Легкая трудность» как конструкция педагогического процесса // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. №4 (108). С. 33-41.

References:

1. Philosophical Dictionary, ed. I.T. Frolov. 4-th ed. M., Politizdat, 1981, p. 445.
2. Philosophical Dictionary: founded by H. Schmitt., 22-d new revision. Ed. V.A. Malinin, M., Respublika, 2003, p.576.
3. Plato. // Menon Plato, collection works in 3 v., v. 1, M. Mysl, 1990, p.865.
4. Mochulsky V.N. Traces of public Bible in Slavic and ancient literature. Odessa: Odessa military. reg., 1893, p.285.
5. Literary texts of renounced Russian literature: in 2 v., V. 2 / Ed. B.C. Tikhonravov. SPb., 1863. p.457.
6. Koret E. Principles of metaphysics. Kiev: Tandem, 1998, p.248.
7. Safranski R. Heidegger: German master and his time. M., Molodaya Gvardia, 2005, p.614.
8. Heidegger M. Time and Objective Reality / comp., transl., intr.V.V.Bibikhin, M., Respublika, 1993, p.447.
9. Prigozhin I.N., Stengers I. Order out of chaos. New dialogue with nature. Transl. from English / Eds. V.I. Arshinova, J.L. Klimontovich, Y. Sachkova. M., Progress, 1986, p.432.
10. Gadamer H.G. Truth and Method: Fundamentals of philosophical hermeneutics. Transl. from Germ., Ed. and intr. of B.N. Bessonov, M. Progress, 1988, p.704.
11. Aristotel. Coll. works in 4 v., v. 1. M., Mysl, 1976, p.275.
12. Mezentsev V.A. Miracles: popular encyclopedia. v. 2. Almaty: Kazakh Sov. encyclopedia, 1991, p.380.
13. Zabotin V.V. Discretion step of problems in thinking and learning. Vladimir, 1973, p.187.
14. Platon. State // Plato. Collection works: in 3 v. V. 3. M. Mysl, 1994, pp. 258-259.
15. Hofmeister H. What does it mean to think philosophically. SPb., Publishing House of the St. Petersburg State University, 2006, p.464.
16. Bhagavan Sh.R. Selected talks. 3 v., Novocherkassk: Saguna, 1994, p.392.
17. Hollis J. Life is like a pilgrimage. Questions and issues. M., Class, 2009, p.184.
18. Ballaeva E.A. The role of irony in the philosophical practice of L.Wittgenstein (Critical analysis of methodological orientations of linguistic concept of philosophy). M., 1979, pp. 109-115.
19. Descartes R. The writings: 2 v., transl. from Lat. and Fr., v. 1, Ed.and intr of V.V. Sokolov, M., Mysl, 1989, p.654.
20. Ado P. What is the ancient philosophy? Transl. from Fr. of V.P. Gaydamak, M., Pub. House of Hum. Literature, 1999, p.320.
21. Fisher N. Philosophical questioning about God. M. Christian Russia, 2004, p.416.
22. Delokarov K.H., Komissarova G.A. Philosophy and megatrends of modern civilization. M., Fon, 1998, p.156.
23. Cherenkov M.N. The crisis in education in times of crisis. URL: http://dcu.org.ua/ru/novyij_resurs5.html.
24. Hakuz P.M., Gura A.Y. "Easy difficulty" as the design of the pedagogical process // Bulletin of Adyge State University, 2012, No. 4 (108), pp. 33-41.